

Цзи Яо спал крепким, глубоким сном, как вдруг его передернуло от резкого холода.

— М-м? — сонно пробормотал он.

У самого уха раздался тихий, хрипловатый голос Юй Сьюаня:

— Холодно? Спи, я уйду в гостиную.

Договорив, он попытался осторожно, чтобы не тревожить спящего, откинуться назад и выбраться из постели.

Цзи Яо сквозь сон еще не вполне сообразил, что происходит, и уже готов был снова провалиться в забытие, но в самый последний момент внезапно распахнул глаза.

— Сьюань?

— М?

В спальне царил полумрак, но за окном лежал свежий пушистый снег, и яркий лунный свет, отражаясь от него, серебряным саваном ложился на фигуру Юй Сьюаня. Тот замер у порога — высокий, широкоплечий, похожий в этой тишине на безмолвного стража. Обернувшись, он посмотрел на постель. Из-за ночного безмолвия с его лица сошла привычная мягкая улыбка.

— Почему не спишь?

Цзи Яо, кутаясь в теплое одеяло, сладко и заспанно зевнул.

— Иди сюда.

Юй Сьюань послушно подошел ближе, слегка нахмурившись:

— Что такое? Опять плохо? Голова кружится?

Вместо ответа Цзи Яо дождался, пока тот окажется совсем рядом, а затем резко выпростал руки, обвил его шею и сильным рывком увлек на постель.

Тяжелое, дышащее уличной прохладой тело рухнуло прямо на него. Цзи Яо невольно охнул и мгновенно растерял остатки сна.

— Боже, ну ты и ледышка! — проворчал он. Но, вопреки собственным словам, обхватил Юй

Сыюаня руками и ногами, тесно прижимаясь к нему и пытаясь согреть своим теплом.

Юй Сыюань не стал сопротивляться. Он крепко обнял Цзи Яо и уткнулся лицом в изгиб его шеи. Кожа возлюбленного была горячей и нежной; их грудные клетки соприкасались так плотно, что Сыюань отчетливо ощущал глухие, частые удары чужого сердца. Цзи Яо щекотно повел плечом и тихо, хрипло рассмеялся:

— Ну и разит от тебя алкоголем.

Юй Сыюань промолчал, лишь еще сильнее, почти до боли, сжимая объятия.

На самом деле в его мыслях не было и капли похоти — ему просто отчаянно хотелось почувствовать Цзи Яо рядом. Но тот явно не собирался лежать смирно. Тонкие пальцы скользнули вниз по животу Сыюаня, пробрались под резинку белья и нежно сжали уже начавшую пробуждаться плоть.

Юй Сыюань судорожно выдохнул и отвесил Цзи Яо несильный шлепок по ягодице:

— Еще не выздоровел толком, а уже блудишь! Лежи смирно!

В отместку Цзи Яо чувствительно сжал пальцы и, удовлетворенно выслушав глухой стон, вырвавшийся из груди любовника, фыркнул:

— Раз уж ты так замерз, надо заняться тем, что тебя согреет.

От этих слов у Юй Сыюаня перевернулась вся душа. Он еще не успел оправиться от тоски, нахлынувшей на него во время пьянки, и эта неожиданная забота растрогала его до глубины души, оставив на губах горьковатый привкус.

"Раз Яояо так переживает за меня... значит, среди всех этих его мимолетных увлечений есть хоть малая доля настоящих чувств? Пусть не шестьдесят процентов... пусть хотя бы половина его сердца принадлежит мне. Мне большего и не надо, этого хватит с лихвой"

— Яояо... — прошептал он.

Переполюнявившее его чувство требовало выхода, но Сыюань мог лишь крепче прижимать к себе парня, бесконечно повторяя его имя едва слышным, сорванным шепотом. Когда любишь кого-то до безумия, слова теряют всякий смысл. Остается лишь животное, отчаянное желание стиснуть его в объятиях так, чтобы переломать ребра, чтобы врасти в него, слиться плотью и кровью.

Из Цзи Яо едва не вышибло дух. Не выдержав этого натиска, он запрокинул голову и слегка

прикусил зубами дергающийся кадык Юй Сыюаня, а затем принялся неторопливо, дразняще ласкать его кончиком языка.

Цзи Яо понятия не имел, какая муха укусила Сыюаня после попойки, но твердо знал одно: любая хандра и злость бесследно растворяются в постели. И он был совсем не прочь составить ему компанию.

Юй Сыюань железной хваткой вцепился в его затылок и накрыл его губы яростным, требовательным поцелуем. В этом порыве не было прежней мягкости — Сыюань подчинял его себе, нависая сверху тяжелой, непреклонной скалой. Зажатому под его литым телом Цзи Яо оставалось лишь послушно отдаться на волю этой бури.

Пальцы Цзи Яо судорожно комкали влажные простыни. Слезы, пот и слюна смешались, оставляя на измятой постели темные круги. Он задышался, всхлипывал и сквозь стоны лепетал:

— Па... Папочка...

— Я... я больше не могу... Пожалуйста... пощади...

<http://bllate.org/book/20554/2140531>